

ВСТРЕЧА С ГАЙДНОМ

ЭТИ ДНИ особенно часто передают по радио произведения Иосифа Гайдна. 150 лет назад, 31 мая 1809 года, умер этот прославленный австрийский композитор, а музыка его по-прежнему близка людям, радует их сердца. Это музыка, полная кипучей энергии, жизнерадостности, юмора, тесно связанная с истоками народного искусства.

Гайдн вошел в историю культуры как один из основоположников классической симфонии. Его творческое наследие огромно: свыше ста симфоний, восемьдесят три квартета, более двадцати опер, десятки фортепьянных сонат и других инструментальных пьес, три оратории... В поздние годы своей жизни Гайдн создал лучшие из своих крупных произведений: двенадцать так называемых «Лондонских» симфоний и ораторию «Времена года»; в ней он воспел поэзию сельской жизни, радость труда крестьянина.

Заглянем мысленно в дом, где жил Гайдн, и познакомимся с несколькими эпизодами из его долгой, не всегда радостной жизни...

В НАЧАЛЕ прошлого века на окраине старой Вены многих привлекала тихая, немощная улочка близ Мариенгильфской заставы. Здесь можно было встретить знатных путешественников и особенно часто музыкантов, артистов, писателей.

Не без робости останавливались они перед небольшим двухэтажным домом, всегда тихим, словно необитаемым. Сейчас за порогом этой двери им предстояло увидеть Иосифа Гайдна, угасающего великого музыканта, того, кто вместе с Моцартом составил славу целого века.

Гость поднимается по деревянной лесенке. В скромно обставленной комнате он видит сидящего в кресле дряхлого старика.

Композитора радуют эти визиты. «Когда он видит какого-нибудь посетителя,— вспоминает биограф Гайдна,— приятная улыбка показывается у него на губах, слезы увлажняют его глаза, лицо у него оживляется, голос крепнет, он узнает гостя и рассказывает ему о своих юных годах, которые он помнит гораздо лучше, чем недавнее время».

Он охотно возвращается к картинам далекого детства... Вот скромный деревянный домик в австрийской деревушке Рорау, где он родился. Отец целые дни возится в своей мастерской — чинит экипажи, изготавливает плуги и колеса. А по воскресеньям отдается своей истинной страсти—музыке. Под аккомпанемент его арфы мать поет народные песни. Эти простые и чудесные мелодии Иосиф Гайдн помнит и сейчас...

А вот одна из площадей Вены. Величавый и мрачный собор святого Стефана. У восьмилетнего Иосифа звучный, красивый голос, и капельмейстер Ройтер охотно принял его на службу в церковный хор. Его пение всем нравится, и он участвует в качестве солиста в самых торжественных выступлениях хора. Но как скучно, как однообразны бесконечные церковные службы. Хорошо, когда хор приглашали куда-нибудь на праздники,—тогда можно было вволю набегаться.

Кто же учил мальчика, кто помог ему стать знатоком музыки, мастером композиции? Ведь церковная служба давала лишь скудный прокорм, а семья была так бедна, что об учителях нельзя было и мечтать.

Ненасытная жажда знаний, любовь к своему искусству и удивительная работоспособность — вот что заменило Гайдну учителей. По его собственным воспоминаниям, он уже с отроческих лет работал не менее шестнадцати часов в сутки. После службы в капелле он на одолженные деньги снял каморку в мансарде большого дома. Комната была неудобной, со щелями, сквозь которые свободно проникали ветер и дождь. Но зато у стены стоял старый клавесин, а главное,—здесь никто не мешал ему отдаваться любимому делу.

Он купил у букиниста несколько книг по теории музыки и стал прилежно изучать их. Потом случай свел его с известным итальянским композитором и учителем пения Николо Порпора. Гайдн аккомпанировал его ученикам. Но он также чистил платье и башмаки знаменитого маэстро и пользовался любым поводом, чтобы выудить у учителя несколько советов по композиции.

...Гайдн достает из огромного собрания своих рукописей старую, тщательно переплетенную нотную тетрадь. Как памятна ему эта симфония и тот вечер, когда она впервые прозвучала. Это было в 1761 году на торжественном концерте во дворце Эстергази. Немного от смущения, его тогда впервые представили вельможе. С этого дня и почти до конца своей жизни Гайдн—придворный капельмейстер и композитор дома Эстергази.

Кончились его скитания, кончилась нищета. Но одновременно ушла и счастливая свобода его юности. В его договоре с князем сказано, что Гайдн обязуется сочинять по заказам князя всевозможную музыку и никому без особого разрешения рукописей своих не давать. А параграф пятый гласил: «Он, Иосиф Гайдн, обязан ежедневно до и после обеда ожидать в приемной распоряжений его княжеской светлости относительно музыки на сегодняшний день».

На протяжении почти тридцати лет Гайдн прикован к захолустному Эйзенштадту, где находилась резиденция Эстергази. «Вот сижу я в моей пустыне,—писал он другу,—почти без человеческого общества... Последние дни я не знал—капельмейстер я или капельдинер... Печально ведь постоянно быть работником».

Но талант, мастерство, трудолюбие композитора были сильнее навязанных ему жизненных условий. Вынужденный отшельник, живший почти на положении крепостного слуги, он в то же время становился прославленным художником мира.

От музыки, которую заказывали придворному композитору, требовали прежде всего занятости, веселости и при этом — светской умеренности и приглженности чувства. Но Гайдн не умел укладываться в эти рамки. Он вышел из крестьянской среды, и в его творчестве была живая струя народного искусства (композитор охотно разрабатывал подлинные мелодии австрийских, славянских, венгерских песен или явно подражал им). А чувства, наполнявшие его музыку, всегда были глубже, непосредственнее и ярче, чем те, которые считались «пристойными» в княжеской аудитории. И для того чтобы примирить своих заказчиков с некоторыми смелыми замыслами, Гайдну приходилось иногда прибегать к внешне занятым выдумкам. Так было с его «Прощальной симфонией», написанной в 1772 году.

...Князь Эстергази с несколькими гостями собрались на этот раз в маленьком белом зале в нижнем этаже. Гайдн с волнением садится за пульт дирижера и открывает первую страницу новой симфонии. Музыка с самого же начала поражает слушателей. Она врывается словно бурный, неукротимый вихрь, полная смятения, тревоги и скорбного негодования. Проходит спокойное адажио, потом легкий менуэт. Кажется, что симфония вошла в знакомое русло и сейчас начнется обычный приятно-веселый финал. Но нет, вместо этого еще стремительнее несется поток тревожных, волнующих чувств. А в самом конце, в нарушение всех правил, звучит ласковая музыка, напоминающая вторую часть симфонии.

И тут происходит нечто совсем необычное: хотя симфония еще не кончилась, музыканты один за другим складывают свои инструменты, гасят свечи у пультов и тихо уходят. Вот удалился второй валторнист, за ним первый гобоист и фэготист. В оркестре уже почти пусто и темно. Сиротливо доигрывают последние такты лишь два скрипача у первого пульта... Князь польщен остроумием своего капельмейстера и за это готов простить ему многое.

Гайдну было уже около шестидесяти лет, когда он впервые пересек границу Австрии. Он нередко перелистывает страницы своего путевого дневника. Как

много напоминают ему эти беглые заметки!

Шумный Лондон. Огромные, никогда не виданные им концертные залы. Его слушают простые горожане, люди из народа. Он в центре внимания, его музыке знают и любят. Может ли быть лучшая награда для художника! В Оксфорде Гайдну торжественно присуждают ученое звание «доктора музыки». Специально для Лондона создаются двенадцать новых симфоний. Он сам чувствует, что они смелее, шире его прежних композиций. Здесь все, к чему он стремился: и картины народной жизни, и природа, и свободный полет чувства.

Собеседник живо вспоминает недавно услышанную им Шестую симфонию из знаменитого «лондонского» цикла. Начало — возвышенная философская мысль, суровая патетика. Именно так любит Гайдн открывать свои симфонические повествования. И вслед за этим бурно врывается «действие». Главная музыкальная тема первой части незамысловата, но как увлекательно ее развитие, сколько здесь «событий», сколько оттенков чувства, красок и ритмов, подмеченных художником в самой жизни! Во второй части звучит простодушный народный напев; видимо, он очень полюбился композитору: Гайдн повторил его в своей оратории «Времена года», где эта мелодия сопутствует арии крестьянина. Третья часть — менуэт, в котором, однако, много непосредственной веселости народного вальса. И, наконец, четвертая — типично гайдновский финал: стихия плясовых ритмов, остроумная выдумка, бьющая ключом неподдельная радость жизни.

Из старой шкатулки композитор извлекает дорогую ему реликвию: золотую медаль, отчеканенную в его честь в Петербурге. Это дар великому композитору, чье имя украсило собой в 1802 году первую концертную программу Петербургского филармонического общества (исполнялась его оратория «Сотворение мира»). «Вы вновь оживили мои падающие силы и доставили мне много радостных часов», — писал Гайдн своим русским друзьям.

...Время бежит незаметно. В маленький кабинет Гайдна уже прокрадываются сумерки, и это располагает композитора к беседе еще более задушевной.

Как бы ему хотелось еще поработать! У него еще много новых мыслей, а сил все меньше и меньше.

Но, оглядываясь на прошлое, он чувствует радостное одушевление. «Часто, когда я боролся с трудностями,—говорит Гайдн,—когда меня терзали сомнения и я чувствовал упадок духа, тайный голос шептал мне: «В этом мире так мало довольных и счастливых людей, везде их преследуют забота и горе: быть может, твой труд послужит иногда источником, из которого усталый человек будет черпать отдохновение и бодрость». Это и заставляло меня все время стремиться вперед и в течение столь долгой вереницы лет с неотступным усердием работать для искусства».

Гайдн неохотно отпускает гостя. Провожая его до калитки палисадника, он еще успевает рассказать кое-что из своего неисчерпаемого запаса забавных случаев. «А ведь душа у него совсем молодая», — думает гость, пожимая на прощание старческую руку...

Д. ЖИТОМИРСКИЙ.

СЛУШАЙТЕ ГАЙДНА

Всесоюзное радио передает сегодня в 22 ч. 15 м. по станциям третьей программы ораторию «Времена года».